

Александра Полян
(Москва)

**Иврит и идиш
в обрядности современного еврейства
Буковины и Бессарабии**

Основу данной статьи составили интервью с евреями Буковины и Бессарабии (регионов современных Западной Украины и Молдавии), записанные во время экспедиций Центра библеистики и иудаики РГГУ (2005–2011 гг.) под руководством М.М. Каспиной.

Указанный регион выбран для исследования неслучайно. Во время Второй мировой войны Буковина и Бессарабия были оккупированы румынскими войсками, что обеспечило значительно более высокий процент выживания среди евреев, чем при немецкой оккупации. Кроме сохранности еврейского населения, имеет место быть и сохранность его традиционной культуры и языков. Советская власть была установлена в регионе только в 1940 г.; с 1918 по 1940 г. Буковина и Бессарабия входили в состав Королевства Румынии. Румынская власть не ликвидировала религиозную и культурную автономии меньшинств, и поэтому современные буковинские и бессарабские евреи, родившиеся в 1930-х гг. и ранее, хорошо помнят патриархальный штетл и его культурный уклад, в подавляющем большинстве они хорошо владеют местными диалектами идиша.

В традиционном ашкеназском обществе идиш и иврит (точнее, *лошн-койдеш* – язык еврейских классических текстов, включающий как древнееврейский, так и арамейский¹) находились в отношении диглоссии, т.е. были четко распределены по престижу и функциям²: *лошн-койдеш* был языком религии, письменной культуры и науки, в то время как за идишем были закреплены функции вернакуляра (повседневное общение, бытование фольклора).

Два языка были противопоставлены друг другу и по эмоциональному отношению к ним носителей. *Лошн-койдеш* воспринимался

как ценность, определяющая национальное и религиозное самосознание, несмотря на то что степень реального владения этим языком была низка. Вернакуляр, напротив, ценился мало и не считался достойным сохранения во что бы то ни стало. На протяжении истории еврейской диаспоры нередки случаи смены вернакуляра: например, романиоты и евреи Магриба утратили свои диаспоральные языки в пользу джудезмо, евреи Франции, северной Италии и, вероятно, славянских стран перешли на идиш.

В настоящее время положение изменилось.

С одной стороны, сохранность обоих языков снизилась в первую очередь за счет того, что старшее поколение носителей-монолингвов ушло и круг общения носителей-билингвов составляют по большей части русско- или украиноговорящие люди. Еще одну причину можно увидеть в том, что в языковую ситуацию оказались включены новые компоненты, которые со временем потеснили идиш: место официального языка, роль которого в советское время выполнял русский, последние 20 лет занимает украинский язык, и русский, приобретший амплуа языка культуры, утратившей свои влияние и востребованность, составил конкуренцию идишу³.

Кроме того, внутри самого вернакуляра сформировалась своя диглоссия: роль высокого языка стал выполнять литературный идиш, а роль низкого – территориальные диалекты. Информанты обычно описывают литературный язык как «правильный», «грамотный», «чистый», но свой родной диалект воспринимают как «более мягкий» и более красивый. При этом под литературным идишем могут подразумеваться две разные вещи: междиалектный произносительный стандарт, сложившийся на основе фонетики северного (литовского) диалекта, и язык классиков идишеязычной литературы, в первую очередь Шолом-Алейхема, который говорил и писал прежде всего на украинском идише – одном из южных диалектов:

А вот литературный язык, он вообще уже совсем другой, и мне, например, очень сложно выучить слова как надо, ну на литературном языке. [А литературный на что похож?] А там больше оканья, а у нас аканья, он у нас на Буковине мягче. А вот белорусский – он твёрже. У нас обычно как «а», а на литературном как «о», вот я никак не могу, учу, учу. Вот даже у нас передача есть на еврейском языке, у нас на литературном, я-то понимаю, что они говорят, но не так, как мы произносим это слово.

(К.М. Кац, Черновцы, 2007 г. Соб.: А.Л. Полян, Е.А. Грушевская, В.А. Герасимова)

Ix red nish literaturish <sic> ... nisht vi Sholom-Aleyxem ot geshribm, a bisl ondersh, a bisl ondersh (Я говорю не на литературном языке ... не так, как писал Шолом-Алейхем, немного иначе, немного иначе).

(Л.М. Гурфинкель, Черновцы, 2007 г. Соб.: М.А. Гордон, Я. Вурбс, А.Л. Полян)

В основном такие же слова, только акцент другой. Там идиш Шолом-Алейхема, а я разговариваю на молдавском. А в Белоруссии больше к польскому акцент. Украинцы тоже на идиш, но другой акцент.

(Х.Д. Котляр. Черновцы, 2009 г. Соб.: С.В. Пахомова, К. Зиндер, Д.В. Терлецкая)

Примечательно, что одна из черт, которые информанты ставят в заслугу своему диалекту, – это его чистота, отсутствие немецких слов. Это соображение странным образом перекликается с одной из идей еврейского просвещения – Асколэ, концептом *lošn tsoxo*, т.е. «чистого языка». Немецкие просветители (маскилим первого поколения) считали, что языком высокой культуры может стать только язык чистый и беспримесный, не загрязненный заимствованиями. На этом основании они отвергли идиш – язык, компилятивный по своему устройству⁴. Современные носители идиша хвалят его за те черты, которые просветители приписывали ивриту или немецкому и в существовании которых они отказывали идишу.

Но с другой стороны, современная изменившаяся ситуация, означающая в том числе вытеснение идиша из повседневного общения, странным образом обернулась положительным для него эффектом. Из вернакуляра, который не только не ценится, но и не осознается, идиш превратился в объект рефлексии и почитания, даже в предмет национальной гордости. Информанты с готовностью говорят об идише как о красивом языке с богатой литературной традицией, вспоминают родственников, которые говорили на нем, и восхищаются красотой их речи, любят рассуждать об идише и его истории, жалеют о том, что количество его носителей все больше сокращается.

Крайняя степень этого явления – сакрализация идиша. Одна наша собеседница, жена американского посланника Хабада в крупном украинском городе, объясняла, что принципиально говорит с детьми только на идише, хотя признается, что знает язык недостаточно и заменяет многие слова английскими. Причина тому – следующее представление:

Der Alter Rebe hot gezogt, az yidish iz di heylike shprax (Алтэр Ребе⁵ говорил, что идиш – священный язык)⁶.

(Э. Райцес. 2011 г. Соб.: А.Л. Полян)

Принадлежность к молодому поколению, уже не заставшему идишеязычной среды, не мешает этой рефлексии: воспоминание о богатой культурной традиции, носителями которой были старшие родственники, заставляет молодых информантов уважительно отзываться об идише. Не оказывается препятствием и невладение идишем: рассуждая о языке старших поколений, информанты цитируют фразы, являющиеся для них своего рода глоссолалией.

Наконец, на положение идиша и восприятие его носителями большое влияние оказало осмысление опыта государства Израиль⁷. С появлением современного израильского языка диглоссия появилась и в рамках иврита: роль вернакуляра выполняет современный иврит, роль высокого языка – лошн-койдеш. Иногда разница между ними осмысляется в виде оппозиции «старое–новое»:

Я хочу сказать, что сейчас немножко другие [‘по-другому’] читают иврит, чем я. Именно: если я вас спрошу: я, новоселицкий [усмехается], что слышно в Израиле? Я скажу: *ma pišma bizrail?* А сегодняшний уже не говорит так, не говорит *ma pišma*, уже говорит: *ma pišma be-izrail?* А я читаю еще по-старому.

(А.Я. Крупник, Новоселица, 2010 г. Соб.: А.Л. Полян, М.М. Каспина, О.В. Белова)

Знание «старого» иврита и умение читать классические тексты (в первую очередь, молитвенник) – предмет для гордости, даже если информант относится к традиционному образованию крайне отрицательно и вспоминает об учебе в хедере без всякого удовольствия. Престиж идиша в глазах наших информантов выше престижа израильского иврита, хотя диглоссии идиш – израильский иврит наблюдаться не может: эти два языка практически не используются в одном обществе.

В этой связи интересны представления информантов о выборе языка в современном Израиле: ведь в этой ситуации идиш и израильский иврит конкурировали за право занять одну и ту же социолингвистическую нишу – позицию вернакуляра. Информанты считают, что существовало больше исторических оснований для выбора идиша в качестве разговорного языка, но в конце концов был выбран иврит – для удобства тех, кто идишем не владеет:

[КЕМ:] Но что очень печально – что вот этот идиш... Это иврит – это официальный язык Израиля. Он очень похож! Но это не то. На идиш написана масса произведений, это колоссальный культурный пласт! И он забывается... <...> [РПС:] В Израиле сейчас возрождается идиш! Но они

немного упустили... Они очень упустили многое, потому что... ну, это история Израиля: если они примут идиш – так не приедут эти, черные евреи в Израиль. Они думали заполнять государство людьми именно за счет этих темных... [КЕМ:] Арабов! [РПС:] Арабов... [КЕМ:] Арабских евреев!

(П.С. Риппель (РПС), Е.М. Креймерман (КЕМ), Черновцы, 2011 г. Соб.: Н.В. Петров, А.Л. Полян)

Когда была Голда Меир, то вот эта Голда Меир настаивала, чтоб только – раз образовался еврейское государство, чтобы говорили на идиш. А там же, значит, большинство [при голосовании], которые вот эти пейсатые, всего три голоса перевесили, и стало на иврите!

(Л.Ш. Колоденкер, Тульчин, 2007 г. Соб.: М.М. Каспина, С.В. Пахомова)

В одном случае бенефициантами выбора иврита в качестве израильского вернакуляра считаются евреи из арабских стран, в другом – ультраортодоксы. Исторически, разумеется, дело обстояло совершенно не так: в борьбе идишистов и гебраистов интересы неашкеназских евреев в расчет почти не принимались, а ультраортодоксы относились к попыткам создать современный разговорный иврит весьма скептически. Более того, сейчас именно в их среде идиш сохраняется в качестве живого языка не только среди стариков, но и среди молодежи и детей.

Классическая диглоссия не допускает перевода текстов с одного языка на другой⁸. Сферой, в которой иерархия языков была существенно менее строгой, является обряд. Здесь перевод возможен, т.е. некоторые обрядовые тексты могли произноситься как на сакральном языке, так и на вернакуляре; существовали тексты, которые зафиксированы на обоих языках⁹.

В последнее время в рассматриваемом регионе обряд стал одной из основных областей бытования идиша, и в статусном отношении престиж идиша существенно повысился и приблизился к статусу лошн-койдеша. Этому способствует и уход идиша из повседневного обихода и разговорной практики: теперь и иврит, и идиш – языки древней культуры, владение которыми ограничено.

По-прежнему существуют тексты, которые могут произноситься или писаться на обоих языках, как, например, заговоры или записки, оставляемые на кладбище на могилах праведников. Вне обрядовой сферы существуют синонимичные и эквивалентные тексты малых жанров (не являющиеся переводом друг друга). Это формулы, про-

износимые при упоминании покойных: *ulev a-šulem* (иврит, досл. ‘мир на нем’) – *zol zix min* (идиш, досл. ‘пусть ходатайствует [за нас]’); благопожелания, например: *lešune toyve* (иврит, ‘С новым годом’) – *a git in mozdik yur* (идиш, ‘Хорошего и удачного года’), и т.д.

Сближение статусов лошн-койдеша и идиша может достигать степени почти полного неразличения этих языков. В следующем примере информантка рассказывает о надгробном памятнике, который она собиралась поставить на могиле родителей:

Для нас была очень большая проблема с надписью, потому что нам хотелось сделать надпись, чтобы она была на иврите... на идише.

(Г.М. Каргер, Кишинев, 2010 г. Соб.: М.М. Каспина, Э.А. Иоффе)

Речь шла о репрезентации имен и дат в тексте евлогии. Имена информантка планировала написать «на идише, потому что на иврите без огласовок». Действительно, на надгробных памятниках часто имена и фамилии усопших (если они не древнееврейского происхождения) и географические названия пишутся в соответствии с правилами орфографии идиша, однако это обстоятельство не делает надпись текстом на идише: традиционная евлогия может быть только на иврите.

Другая информантка рассказывает о своем покойном муже и его друзьях:

Так они читали [Тору] на иврите. На... это, на еврейском. Иврит они не знали.

(Г.Ш. Горен, Хотин, 2010 г. Соб.: О.В. Белова, Е.Ю. Лазарева, А.Л. Полян)

Традиционные переложения Торы на идише существовали, более того, в начале XX в. появились и переводы Торы на идиш, однако обрядовая рецитация Торы в синагоге и дома происходила только на лошн-койдеше, и в этом смысле аберрация информантки весьма показательна.

Мы постарались установить, в каких случаях у современных евреев Буковины и Бессарабии тексты на идише и на иврите являются обязательной частью обряда.

Наиболее актуальной областью, в которой используются тексты на идише, в настоящее время являются, к сожалению, обряды похоронного цикла, точнее, обряды, связанные с посещением могил родственников и почитаемых людей. В момент такого посещения произносит-

ся молитвенный текст, обращенный к усопшему, начинающийся формулой «Loyf in beyt» ('Беги и проси'). Дальнейший текст вариативен, поскольку содержит индивидуальные просьбы произносящего:

[С какими словами обращались к покойным родственникам? Были какие-то специальные слова на идише?]

Обыкновенные слова. Обыкновенные слова еврейского идишского лексикона.

[А как это могло звучать?]

Ну, ах bet dex, zol zayn, zolsti beytn Got far mix, far di kinder, in me zol... me zoln zan gezint, zoln ubm parnuse ('я прошу тебя, чтобы было, чтобы ты попросил Бога за меня, за детей, чтобы... чтобы были здоровые и имели заработок'), – и так далее.

(Г.В. Гитман, Черновцы, 2006 г. Соб.: Д.С. Малюта, А.Л. Полян)

[Tsi fleg men ba ах zugn: loyf in beyt? – 'Говорили ли у вас: loyf in beyt?']

А, loyf in beyt, да. Loyf in beyt far indz ('Беги и проси за нас'). Вот так говорят ... когда... обращаешься, молишься: ir zolt loyfn beytn far indz ('бегите просите за нас'), да, да. Это значит: просить у Бога за нас. Beytn Got far indz, да, beytn far indz Got.

[Ot men epes vayter gezugt? Loyf in beyt far indz... – пох ерес? – 'Говорили что-нибудь дальше? «Loyf in beyt far indz» – и еще что-нибудь?']

Если обращаться к одному – так loyf beytn far indz, если много моих – я перечисляю всех, говорю во множественном числе: ir zolt loyfn beytn far indz.

[И все, да?]

Да, да. Loyfn beytn far indz, ba Got far indz, да ... Или: far mir, tsi far veumen... farn kind, far veumen ('за меня, или за кого там... за ребенка, за кого') я знаю, как там...

(П.С. Риппель, Черновцы, 2011 г. Соб.: Н.В. Петров, А.Л. Полян)

Тексты на идише включены также в родильные обряды, преимущественно в обряды избавления ребенка от сглаза – *eynure / anure / anore* (иврит, 'дурной глаз') / *git oyg* (идиш, досл. 'хороший глаз')¹⁰. Наиболее распространенным таким текстом является «заговор трех баб», и чаще всего у современных евреев исследуемого региона он встречается в следующем виде:

Dray vaber zenen gezesn of eyn shteyn, eyne'ut gezugt: Ployni ot an oyg, di ondere'ut gezugt: neyn, in di drite ut gezugt: fin vonen es iz gekimen, ain zol es geyn! ('На камне сидели три бабы, одна сказала: у имярека – сглаз,

другая сказала: нет, а третья сказала: откуда он пришел – туда пусть и идет!')

(А.Я. Крупник, Новоселица, 2009 г. Соб.: С.Н. Амосова, А.Л. Полян)¹¹.

Исполнение этого текста часто сопровождается совершением определенных обрядовых действий:

Мама брала стакан воды... но никто не должен в это время разговаривать. Ни с кем, никто не должен быть в доме, в комнате. Вы и ваш малыш... И никто не имеет права к вам говорить, вы не имеете права ничего ответить! Берёте стакан воды, холодной воды. Берёте кусочки хлеба. Разломайте этот хлебчик на 9 частей и бросайте этот хлеб в этот стакан. Если хлеб этот вверх пошёл – значит, сглазил мужчина ... А если вниз пошёл – то это женщина. Вы потом берёте этот хлеб, вытаскиваете по одному кусочку, бросаете и говорите: *Fin vi s'iz gekimen – ahin zol es geyn* ('Откуда пришло – туда пусть и уходит'). Вот один кусочек бросили – *fin vi s'iz gekimen ... Ofn pripechik zitsn dray vaber. Eyne zugt: yo, eyne zugt: neyn, eyne zugt: fin vi s'iz gekimen – ahin zol es geyn* ('На печке сидят три бабы. Одна говорит: да, одна говорит: нет, одна говорит: откуда пришло – туда пусть и уходит'). И вы во все углы <...> пока не останется у вас кусочка хлеба <...> *Ofn pripechik zitsn dray... dray... froun* ('На печке сидели три... три... женщины'). *Eyne zugt: yo, eyne zugt: neyn, eyne zugt: fin vi iz gekimen – ahin zol es geyn* – и так вы повторяете столько, сколько у вас этих кусочков хлеба.

(К.М. Кац, Черновцы, 2007 г. Соб.: А.Л. Полян, Е.А. Грушевская, В.А. Герасимова)

Примечателен также следующий вариант рецитации заговора и рефлексии о нем, записанный от информантки родом из Бричан (Молдавия), живущей ныне в Израиле:

Dra vaber zitsn of eyn shteyn, eyne zugt, az Roza ot anóre. Nóre – это 'беда': porá! – от иврита. Я там не знала, а вот потом... Eyne zugt, az Rozochke ot anore. Di tsveyte zugt, az neyn. Di drite zugt: fun vonen s'iz gekimen – tsi di goim zol es geyn! ('На камне сидят три бабы, одна говорит, что у Розы сглаз. Nóre – это 'беда': porá! ... Одна говорит, что у Розочки сглаз. Другая говорит, что нет. Третья говорит: откуда пришло – пусть к гоям уйдет!')

(С.З. Кипервассер, Иерусалим, 2011 г. Соб.: М.М. Каспина)

Слово *anore* – гебраизм (*anóre < eyn ore < eyn ho-re* – 'дурной глаз'), являющийся обыкновенной лексемой языка идиш, – информантка этимологизирует через другой гебраизм, не употребляющий-

ся в речи на идише, в современном израильском произношении – *porá* ‘ужасный’.

Наконец, идишеязычные тексты были частью еще одной группы обрядов, практически полностью отошедшей в прошлое, но хорошо фиксирующейся в меморатах, – праздничных обрядов. Это могли быть праздничные песни, например исполняемые в Пурим:

Дальше идут колядовать – *di piremshpiler* (*пуримшиплеры – те, кто разыгрывает специальное праздничное представление*). *Me zingt azoy:*

Vus zoln mir vinchn dem balbus,
Vus mir zenen ba im in ‘oyz?
Erg it ci trinken bromfn in der sheyner flash
In tsi farbasn a zisn umentash.
Ant iz Pirem, morgn iz oys –
Git indz a grivendl in me geyt zix aroys.

(‘Поют так:

Чего бы нам пожелать хозяину,

У которого мы в доме?

Он дает выпить водки в красивой бутылке,

А на закуску – сладкий гоменташ.

Сегодня Пурим, завтра закончится –

Дайте нам гривенку – и мы уйдем’).

(Р.О. Штеренберг, Черновцы, 2004 г. Соб.: М.М. Каспина, А.Ю. Со-рокина, Н.М. Киреева)

Частью ритуала еще одного праздника – Пейсаха – является ре-цитация «фир кашес» («четыре вопроса») – прозаического текста на идише, который представляет собой перевод фрагмента пасхальной Агодэ. «Четыре вопроса» дети должны задавать отцу, ведущему праздничный сэйдер. Нам не удалось записать варианта, включаю-щего все четыре вопроса. Обычно наши информанты помнят по 1–2:

Tote, ix vil dix freygn di fir kashes. Di ershte kashe vil ix dix freygn. Far-vus ole tug fin a gonts yur viln mir esn xumec, viln mir esn motse, ober di dozike teg fin yontef esn mir nor motse? Hob ix dix gefregt eyn kashe. Di tsveyte kashe vil ix dix freygn. Farvus ole tug fin a gonts yur viln mir esn ungeleygt, viln mir esn nisht ungeleygt, ober di dozike naxt fin Peysax esn mir nor ungeleygt? Так вот, на кровать. (‘Папа, я хочу задать тебе четыре вопроса. Задам первый вопрос. Почему во все дни, целый год мы хот-тим – едим квасное, хотим – едим мацу, а в эти дни праздника едим только мацу? Я задал(а) тебе первый вопрос. Задам второй вопрос. По-

чему во все дни, целый год мы хотим – едим полулежа, хотим – не едим так, а в эти дни праздника едим только полулежа?»)

(Р.О. Штеренберг, Черновцы, 2005 г. Соб.: М.М. Каспина, О.В. Белова, А.Л. Полян)

Существует и шуточная рефлексия по поводу этого обряда – вопросы, сохраняющие структуру «фир кашес» («почему в ситуации А дела обстоят одним образом, а в ситуации В – другим»), но пародийного содержания:

Сэдер – это «порядок» <...> И там есть порядок, по которому надо вести этот сэдер <...> И он зада... А я вам расскажу несколько этих самых... Кашес! Только это такие каши, не религиозные [смеется]. Tate, zug mir nor, tate. Far vus a top ... a top ot a lox – di vaser ... ('Папа, скажи мне, папа. Почему если в горшке есть дырка – вода...') вода вытекает. Галоши имеют... дырку – вода затекает [смеется] ... A top ot a lox – di vaser rint aroys. A galosh ot a lox – di vaser rint arayn <...> A top ot an oyer – eyngt. Висит. Di ost tsvey oyer – di eyngst nit! ('Если в горшке есть дырка – вода вытекает. Если дырка в галоше – вода вытекает <...> У кастрюли есть ухо – она висит. У тебя два уха – ты не висишь!') <...> Fir kashes. Fir kashes git men af Reusax. ('Четыре вопроса. Четыре вопроса задают на Пейсах'). Вот такие это для юмора.

(А.И. Иванковицер, Черновцы, 2006 г. Соб.: М.М. Каспина, С.В. Копелян, Н.М. Киреева)

Сфера использования лошн-койдеша в обряде несколько шире, поскольку она в первую очередь включает индивидуальную молитву и рецитацию библейских текстов и молитв в синагогальной службе. Две остальные области употребления лошн-койдеша – это похоронная и праздничная обрядность.

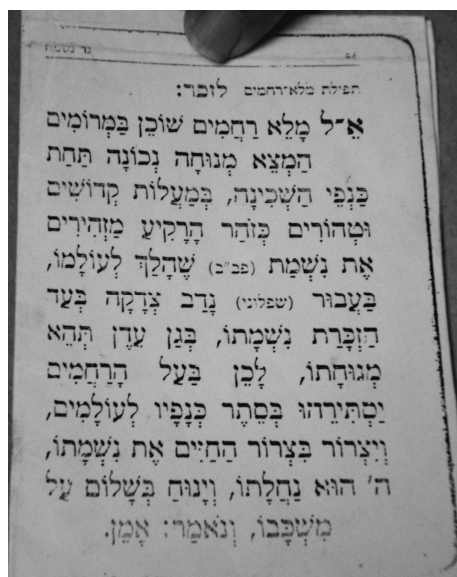
В похоронном обряде на лошн-койдеше читаются прежде всего два текста, один на древнееврейском («mule», или «Eyl mule rah-amim») – 'Бог милосердный'), другой – на арамейском:

Потом делают это вот... Идут на кладбище... И, это, делают поминальную молитву, так, делают a mule, так, за упокой души этого, и если есть *minyem* – делают *kadesh* ещё...

(Г.В. Гитман, Черновцы, 2006 г. Соб.: А.Л. Полян, Д.С. Малюта)

Когда есть десять человек... так надо говорить *kadesh*, а если нет десять человек, ты один пришел <...> или два, или три – нет десяти человек – так *kadesh* ты не можешь говорить, а ты имеешь право только говорить *Eyl mule rahmim*.

(М.Е. Ройф, Черновцы, 2011 г. Соб.: Э.А. Иоффе, А.Л. Полян)

Молитвенник М.Е. Ройфа

Вот зафиксированные нами тексты двух молитв:

Я когда хожу на кладбище – так я открывают вот эту книжечку <...> и отсюда читаю. Я знаю наизусть, но открываешь, чтобы можно было это читать без ошибок... Eyl mule raxmim shoynen be-mroyim, amtse menexoyne tas kanfe a-shxine be-males kedoyshim u-toyrim k-zoyer rakia mazhirim nishmas – называешь имя покойного, – she-ulox loylmo – ‘который ушел на тот свет’ это значит, – bavir – кто дает цдуке, знаете, что такое цдуке? Tsduke bavir – называю имя покойного <...> и кто дает цдуке <...> nudav tsduko ba' nishmuso, b'an Eyden te' menixuso, loxeyn bal a-raxmim yastireyhi ... Bi-tsroyr a-xayim es nishmuso ... naxluso, ve-yunix be-shloymo be-shulom ve-neymar umeyn ... Конечно, это надо. И в присутствии всех это говоришь.

(М.Е. Ройф, Черновцы, 2011 г. Соб.: Э.А. Иоффе, А.Л. Полян)

Isgadal ve-iskadash shme rabu. Be-olmo di be-xarisey veyamlox mlaxisey be-xayeyxen u-v-yumeyxen v-xayey de-xol beys isruel. Ba-agulu zman kuriv imri umeyn. Yey shmey rabu mevurex le-oylom l-olm-olmayu. Yisburex ve-yishtabax ve-yispuor ve-yisroymem ve-yisnase ve-yisador ve-yisale ve-yisalal shmey di-kidshe brix li-eyle m'kol birxuse ve-shiruse tishbexuse nexmuse d-amirun be-olmu ve-imri umeyn. Yey shlumey rabu

min shmaye ve-xayim uleyni v-al kol Yisrul veimr' umeyn. Oyse shulom bi-mroymo, v-yase shulom uleyni ve-al-kol Yisruel ve-imri: umeyn!

(А.Я. Крупник, Новоселица, 2010 г. Соб.: А.Л. Полян, М.М. Каспина, О.В. Белова)

Эти записи представляют собой пример сакрального обрядового текста, рецитирующегося вне обряда и вне сакрального пространства. Этим обуславливаются фонетические особенности текстов: в отличие от Whole Hebrew в чистом виде (термин М. Вайнрайха: фонетическая традиция, в которой тексты читаются в синагоге¹²), в этих записях наблюдаются ашкеназское ударение (смещенное к началу словоформы), редукция ультракратких семитских гласных (naxluso < naخالuso, bavir < baavir) и заударных гласных (nishmuso < nishmusoy, tsduke < tsduku), произнесение гортанных (yey < yehey, kzoyer < kezoyhar), опущение части слогов (menexoyne < menixu nexoynu) и – при высоком темпе рецитации – даже слов¹³.

Из праздничных обрядовых текстов на идише мы записали короткую пасхальную песню и два пиюта. Песня является фрагментом пасхальной Агодэ, исполняется в конце сейдера:

Lexu ki lexu, lexu af lexu, lexu ki lexu, lexu, af lexu, lexu, lexu.

(К.М. Кац, Черновцы, 2007 г. Соб.: А.Л. Полян, Е.А. Грушевская, В.А. Герасимова)

Первый пиют исполняется перед Судным днем во время исполнения обряда Капурес (молящийся вращает над головой петуха или курицу, символически перекладывая на них свои грехи). Фонетика этой записи во всем, кроме ударения, более приближена к фонетике Whole Hebrew:

Uno adonoy oyshia nu,
Uno adonoy atslixo nu,
Uno adonoy eneyni bayoyum koreyni.

Eloyey urixoyes oyshia nu,
Voxyen levuves aclixo nu,
Goyel xuzok, aneyni beyoyum koreyni.

Ot du dreyt'n in zeyt (идиш, 'Вот тут крутят и видят'):
Duver i-tsduko oyshia nu,
Oria be-lvishe atslixo nu,
... nu beyom koreyni.

Ot dreyt men eyn mul, tsvey mul, dray mul – dus me' dreyt mit der hin (идиш, 'Вот крутят раз, два, три – это крутят курицу').

(М.Х. Фример, Черновцы, 2010 г. Соб.: М.М. Каспина, О.В. Белова, А.Л. Полян)

Второй пиют исполняется во время синагогальной службы Судного дня:

U-nsane toykef kedoyshes a-yoym, ki i noyr vuuyom, i-boy tenushom malxisexu, ve-yikon be-xesed kisexu, veteyshev: hu lo beemes, emes, ki ato i dayen, i moxiye ve-yoydeye vo-ad – emes, что Ты знаешь, что Ты... – ve-xoysef, ve-xoysem, ve-soyfer, i-moyne, ve-tizker kol a-nxuso <...> ve-tiftex sefer a-zixroynes ... – i-malov yekure xoysem yad kol udom boi – i-veshoyster godoyl yetuko v-koyl dmumu daku yeshumo. Maluxu yexofeyzin ve-xil ru' yoxeyzin. Ve-yoymri: hine yoym a-din – вот день! – lifkoyd al tsvu muroym ba-din ki loy izku beynexu ba-din. Ve-xol boye oylom yaavrun lefuneyxu ki-vney muroym – и каждый, каждый живой проходит мимо тебя. Keyvakuras <...> roye edroy mavir tsoynoy toxas shivtoy. Keyn tavir ve-sisporay ve-simne ve-sifkoyd nefesh kol xay. Vesaxtex kitsvo le-xol berusexu ve-sikutoy es guzor-dinom. Beroysh a-shuno yekuseyvin, v-Yoym tsoym kiper yexuseymin: kamu yaavrin... kamu yevureyen, mi yixye, mi yumis mi be-kitsem iminoy lo be-kitsem, mi ba-mayim, mi bo-eysh, mi ba-xerev, mi-ba-xaye, mi bo-ruv, mi ba-tsomo, mi bo-raash, mi ba-mageyfe, mi yunix...

(А.Я. Крупник, Новоселица, 2010 г. Соб.: А.Л. Полян, М.М. Каспина, О.В. Белова)

Ряд обрядов, в которых обязательной составляющей было произнесение определенных текстов на лошн-койдеше или идише, ушли в прошлое и сохранились только в воспоминаниях. Это, в первую очередь, сложный свадебный обряд, включавший не только произнесение молитв и благословений на святом языке, но и ряд текстов на идише, прежде всего песен и ритуальных приветствий и прощаний. Сохранились упоминания об обрядовой рецитации определенных классических текстов; например, частью родильного обряда было «чтение Кришме» – *Krishme leyenen*: к роженице приглашали учеников хедера, чтобы они читали молитву Шма (само слово «кришме» является результатом редукции выражения *kries Shma* – 'чтение Шма'). Сближение статусов и функций двух языков – лошн-койдеша и идиша, которое заметно по отношению к ним носителей, происходит и в обрядовой сфере. За исключением чтения классиче-

ских текстов в синагоге (где звучит только лошн-койдеш) два языка используются примерно в одних группах обрядов (похоронных, родильных и праздничных).

Примечания

¹ Подробнее см.: *Katz Dovid*. The Words on Fire: the Unfinished Story of Yiddish. New York: Basic Books, 2007. P. 45–77.

² *Ferguson Charles A*. Diglossia // *Word*. 1959. Vol. 15. P. 325–340; *Fishman Joshua*. Bilingualism with and without diglossia; diglossia with and without bilingualism // *Journal of Social Issues*. 1967. Vol. 23(2). P. 29–38.

³ Подробнее см., в частности: *Дымшиц В*. Идиш в бывших штетлах Подолии (по материалам полевых исследований 2004–2009 гг.) // *Идиш: язык и культура в Советском Союзе*. М., 2009. С. 347–350.

⁴ *Shavit Yaacov*. A Duty Too Heavy to Bear: Hebrew in the Berlin Haskalah, 1783–1819: Between Classic, Modern and Romantic // *Hebrew in Ashkenaz: A Language in Exile* / Glinert Lewis (ed.). New York – Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 111–128.

⁵ Алтер Ребе (р. Шнеур-Залман из Ляд, 1745–1813) – основатель любавичской династии цадигов и движения Хабад.

⁶ По устному сообщению проф. Д. Каца, сам Алтер Ребе идиш сакральным языком не называл, но это мнение встречается у цадигов, являющихся его потомками.

⁷ См.: *Ornan Uzzi*. Hebrew is not a Jewish Language // *Readings in the Sociology of Jewish Languages* / Fishman Joshua A. (ed.). Leiden: Brill, 1985. P. 22–26.

⁸ См., например: *Успенский Б.А.* Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси: восприятие церковнославянского и русского языка // *Византия и Русь*. М., 1989. С. 206–226.

⁹ Например, «заговор трех баб». См.: *Каспина М.* «Dray vaber zitzn af a shteyn...»: представление о дурном глазе в традиционной культуре евреев Украины // *Идиш: язык и культура в Советском Союзе*. М., 2009. С. 336–340.

¹⁰ Подробнее см.: *Околович Е.* Заметки о еврейской народной демонологии (по материалам фольклора на идише) // *Между двумя мирами: представления о демоническом и потустороннем в славянской и еврейской культурной традиции*. М., 2002. С. 136–162.

¹¹ Другие варианты текста заговора, в т.ч. более пространную его версию, зафиксированную в письменных источниках, см.: *Каспина М.* Указ. соч. С. 328–346.

¹² *Vayntraux M.* Gešixte fun der yidišer šprax. NY, 1973. V. 1. P. 251–253.

¹³ Подробнее об этом: *Katz D.* The Phonology of Ashkenazic // *Hebrew in Ashkenaz: A Language in Exile* / Glinert Lewis (ed.). New York – Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 47–61.